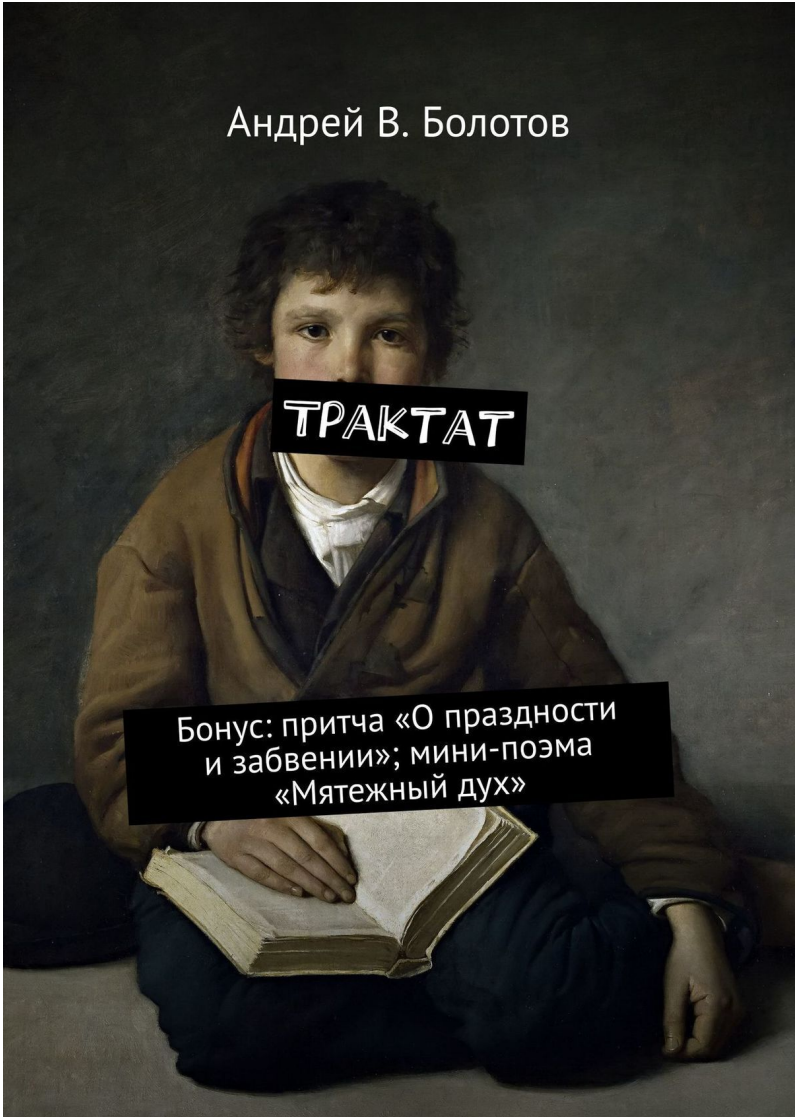
Андрей В. Болотов



ТРАКТАТ

Бонус: притча «О праздности и забвении»; мини-поэма «Мятежный дух»

Андрей В. Болотов

Трактат. Бонус: притча «О праздности и забвении»; мини-поэма «Мятежный дух»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12055813
Трактат. Бонус: притча «О праздности и забвении»; мини-поэма «Мятежный дух»:
ISBN 9785447427832

Аннотация

История о журналисте, который работает над статьей о загадочном исчезновении профессора философии, гадалки и программиста. По ходу работы он сталкивается с мировоззрением каждого из пропавших и сам понемногу отрешается от реальности.

Содержание

Трактат 5
I 5
II 16
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Трактат
Бонус: притча «О праздности и забвении»; мини-поэма «Мятежный дух»

Андрей В. Болотов

© Андрей В. Болотов, 2022

ISBN 978-5-4474-2783-2
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Трактат

I

Одним октябрьским утром в квартире журналиста известного под псевдонимом Рыжий Макс раздался телефонный звонок. Некто, спросонья мало походивший на человека, зашевелился в изрядно измятой постели, неловко протянул руку в направлении прикроватной тумбы и, уронив лежавшую там пустую бутылку из под чего-то спиртного, нащупал среди сигаретных пачек свой мобильник.

– Алло, – раздался из-под копны растрепанных бледно-рыжих волос вялый голос еще не до конца проснувшегося журналиста.

– Какого черта, Макс? – спросил явно недовольный женский голос из динамика телефона. – Уже два часа как ты должен быть в редакции. Ты уже три месяца здесь не появлялся, но сегодня… мы ведь договаривались! Где опять тебя носит?

– Дома, – лаконично ответил Макс, выбираясь из под одеяла и взъероша без того похожие на кривой парик волосы. – А ты чего хотела? Чтобы я встал спозаранку, покинул уютную, теплую постель тихой, спокойной квартиры и в холодное осеннее утро поплелся в метро, спускаться на гудящем эскалаторе и смотреть на встречный конвеер таких же

не выспавшихся, равнодушных и будничных зомби, которые потом, оказавшись в вагоне, заткнут себе уши наушниками mp3-плеера, непонимающим взглядом уставятся в одну и ту же строчку книги или будут на полуавтомате жать кнопки своих смартфонов, играя в какую-то монотонную игрушку? И только ради того, чтобы приехать в редакцию?

Говоря все это Макс все же поднялся с кровати и закурил, а его собеседница, никто иная как главный редактор журнала «Гермес» Елена, тем временем иронично усмехнулась:

– Какой бы садистской жестокостью тебе это ни показалось, но… да! – сказала она. – И, наверное, это как-то связано с тем, что ты здесь работаешь.

– И что я пропустил? Ежедневное общее собрание всей редакции в тесном конференц-зале и всем надоевшую презентацию компании? – уточнил Макс и принялся передразнивать каждый день повторяемую кем-нибудь на собраниях презентацию журнала. – Добрый день! Меня зовут Такой-то Такович и я представляю журнал «Гермес». Вы должно быть слышали о нас. Журнал «Гермес» является ежемесячным федеральным изданием объемом более 200 страниц с высочайшим в нашем городе тиражом, освещающим жизнь и мысли жителей страны в целом и региона местного издательства в частности. Наш журнал гордится оригинальными авторскими статьями, актуальными интервью и освещением самых примечательных событий, а также предлагает вам разместить рекламу любого формата и вида, обещая ее

расположение рядом со статьей наиболее близкой тематики, что увеличивает общий психологический эффект от ее подачи и прочая бла-бла-бла. – Макс, с зажатым между плечом и ухом телефоном, уже поставил на кухне чайник и отправился в ванную, дабы придать себе нормальный человеческий вид. – У тебя есть отдел по продажам рекламы и отдел реализации журнала… для них это действительно имеет практическую значимость, вот и поставь в этих отделах зеркала – пусть ребята перед ними тренируются. Нам то – журналистам, – это зачем? Мы и так знаем в каком потрясающем месте работаем.

Главред Елена фыркнула в трубку.

– Насчет тебя я не уверена. Ты хоть номинальный адрес редакции то знаешь? Тебя ведь спроси и ты ответишь, что наша редакция находится по левую сторону от станции метро Центр, между каким-то магазином и зданием, напоминающим школу, хотя, да будет тебе известно, это интернат. А не нравится наша корпоративная культура – пиши письмо в столицу, в дирекцию, но пока они не ответят, будь добр приходить на работу вовремя, хотя бы когда мы договариваемся о встрече.

– Работать я и дома могу, – заметил Макс, безуспешно пытаясь причесать непослушные волосы. – А отсылать подчиненных к вышестоящему начальству – признак слабости руководителя. Может поэтому и не прихожу – пользуюсь.

– Хорошо, что напомнил, – посерьезнела и перешла к делу

Лена. – Видишь ли, Макс, обычно ты пишешь весьма неплохие и популярные статьи, но у тебя есть огромный для периодического издания недостаток – твои статьи не просто нерегулярны, они редки. И с прошлого раза я решила установить тебе, так сказать, лимит бездействия, который в конце этого месяца заканчивается. Так что слушай! На следующие два номера планировалась печать книги одного местного политика, которую наша цензура посчитала чересчур оппозиционной и даже провокационной. Таким образом, в журнале высвободился довольно большой объем, который мне нечем заполнить. Понимаешь к чему я веду, Макс?

Почувствовав, что разговор принял серьезный оборот и главред больше не станет выслушивать его отговорки, Макс оставил бесполезную расческу, уселся на край ванной и сосредоточено спросил:

– Какая-то определенная тема?

– Нет, можешь проявить фантазию и творческий потенциал, – сказала Елена, – но я рада, что мы друг друга поняли. Мне не важно, будет ли это одна развернутая статья или несколько мелких статей, но я хочу, чтобы весь оставшийся объем был использован. И займешься этим ты! Или я буду вынуждена тебя уволить. – Главный редактор сделала паузу, но не дождавшись отклика подчиненного, спросила еще раз:

– Мы ведь поняли друг друга?

– Да, – коротко ответил Рыжий Макс, отложил телефон и встретившись взглядом со своим отражением в зеркале,

добавил:

– Будет тебе статья.

И бросился на кухню выключать закипевший чайник.

***

Вечером того же дня в прокуренную, задымленную и давно неубранную квартиру к Рыжему Максу зашел его друг и коллега журналист-криминалист Константин. Он пришел передать Максу разрешение главного редактора работать на дому и наказ не подвести ее. Кроме того, и уже по собственной инициативе, Константин поинтересовался: есть ли у Макса какие-нибудь идеи по поводу того, как выполнить задание Елены.

– Есть, – ответил Макс, пуская струю сигаретного дыма в потолок, захлопывая крышку своего ноутбука и присаживаясь в мягкое кресло напротив гостя. – Совсем недавно и, что интересно, примерно в одно и то же время, в городе пропало три вроде-бы никак между собой не связанных человека: университетский преподаватель философии, инженер-программист научно-производственного объединения «Технология» и местная ясновидящая.

– Хм, – с сомнением протянул Константин. – У нас не самый большой город: новости и слухи в нем распространяются быстро (особенно среди журналистов моей специализации), а я ничего не слышал об этом… Ты уверен, что эта

ситуация имеет место быть и, что она окажется стоящей темой?

– Несомненно, – энергично кивнул Макс, озираясь по квартире в поисках коньяка и вращая в руке пачку сигарет.

– Но откуда у тебя эта информация? – продолжал допытываться Константин, неодобрительно поглядывая как собеседник, только что докуривший одну сигарету, уже извлекал из пачки другую.

– У меня свои источники, – загадочно ответил Макс, своеобразным и немного странным жестом постукивая сигаретной пачкой по собственному лбу.

– Им можно доверять? – задал Константин еще один вопрос другу.

– Любой из источников не будет абсолютно истинным, – уклончиво начал в ответ тот, наконец отыскав бутылку коньяка и теперь разливавший его в рюмки, – но ты уж поверь, дружище, из всех моих источников, только этому и можно полностью доверять.

– Хорошо, – с очередной ноткой сомнения в голосе проговорил Константин, отказываясь от протянутой ему рюмки. – И что ты намереваешься предпринять? Попробуешь достать эксклюзивный материал в полиции? Думаешь они обрадуются, что тебе известно то, о чем в городе никто еще не знает?

Макс презрительно ухмыльнулся и проглотил свою порцию спиртного, тут же наполнив тару вновь.

– Полиция сама знает только, то что ничего не знает, – сказал он, и на немой вопрос, застывший в глазах Константина продолжил: – Нет конечно, про пропавших они знают. Однако им ничего не известно о причинах и следствии этих пропаж. Видишь ли, расследование полиции в этом деле по пути профессора привело лишь к тому, что по пропавшему философу нет никакой информации, кроме его личного дела в отделе кадров университета. Однако все данные ведут в тупик: в ВУЗе, который указан в разделе «образование» в личном деле профессора, никто такого человека припомнить не смог; квартиру по адресу, который указан в разделах «постоянное и фактическое места проживания», уже полгода снимает совершенно другой человек; даже профессора университета не могут сказать, чем их коллега занимался и где бывал после работы.

Макс сделал паузу и, нарочито медленно затянувшись, взглянул на Константина, довольно быстро сменившего выражение сомнения на заинтересованность. Тот ловким движением выхватил из губ коллеги сигарету, затушил ее и коротко призвал друга к продолжению презентации будущей статьй:

– Продолжай!

– Нечто похожее ожидало полицию и в случае с инженером-программистом. Его общение с коллегами ограничивалось одной лишь работой, что же до жизни вне ее, то кажется, будто выходя из радиуса обзора камер видеонаблюдения

НПО «Технология», он исчезал вовсе; как собственно и появлялся – только в объективах камер, когда на следующее утро приходил на работу. Ну а гадалка… сам ее промысел предполагает ореол таинственности: никто и никогда не видел, чтобы эта женщина покинула свой домишко на окраине, а теперь ее там нет, как, впрочем, нет никого, кто знал бы где она.

Константин поднялся со своего места и, в задумчивости, сделал несколько шагов по комнате.

– Что ж, это и в самом деле интересно, – сказал он. – И судя по тому, что полиции ничего толком не известно, ты собираешься провести собственное журналистское расследование пропажи этих троих. Лена не ошиблась в тебе: материалы по этому делу смогут покрыть пробелы в обоих следующих выпусках и, надо признать, небезинтересной темой.

Уже чуть опьяневший Макс, затуманенным взором созерцавший как плещутся остатки янтарной жидкости в покручиваемой им бутылке коньяка, кивком отблагодарил гостя за его мнение. Но тот еще не все сказал. Видя состояние друга, Константин заговорил о чем-то, что, видимо, было известно только им двоим.

– Макс ты в порядке? – спросил он. – Уже три месяца прошло с тех пор. И все это время ты не появляешься на работе, не покидаешь свою квартиру, не разговариваешь ни с кем, кроме как в чате, реже по телефону, пьешь и без конца куришь… черт, да ты словно в трансе: отрешаешься от всего

и… Вобщем, забудь о ней. Возвращайся к реальности.

Судя по тому, как неохотно говорил Константин, и по тому, как встрепенулся, слушая, Макс – эта тема была для них обоих тяжела или неприятна.

– Можно подумать я не пытался ее забыть, – отозвался спустя короткий миг молчания Макс и опрокинул в себя остатки коньяка. – Эх, если бы все было так просто… Раньше я привносил свои мысли и фантазии в реальность, писал замечательные статьи, но… теперь все наоборот: в своих фантазиях и мыслях я прячу реальность, ибо если реальность предстанет предо мной ничем не прикрытой, я возвращусь к воспоминаниям, мыслям и фантазиям о ней, ведь она – реальна.

Константин окинул некогда бодрого, общительного и остроумного товарища сочувствующим взором: теперь тот выглядел пассивным, слабым, разбитым… и это состояние в последние три месяца стало для него нормой, как и состояние легкого опьянения, в котором пребывал сейчас Макс, провожавший Константина до двери.

– Не глупи, Макс, – вздохнул Константин, на минутку задержавшись на пороге. – Возвращайся к работе. Я даже рад, что Лена подкинула тебе это задание именно сейчас: надеюсь оно отвлечет тебя и позволит развеяться. Как бы то ни было… удачи!

И когда дверь Макса захлопнулась за спиной Константина, он решил, что будет почаще навещать друга и проконтро-

лирует выполнение им задания главного редактора, так как на самом деле считал, что это лучшая, за последний квартал, возможность заставить Макса позабыть о его болезненно завершившихся отношениях с одной женщиной.

***

Константин ответственно подошел к выполнению своего намерения и два, а то и три раза в неделю, сразу после работы, наведывался в квартиру Рыжего Макса, неизменно интересуясь продвижением его расследования и избегая разговоров о личном. Впрочем, разговоров, как таковых, было очень немного, потому как основную часть того времени, что Константин находился в гостях у Макса, он проводил за его ноутбуком, читая черновые отрывки его будущей статьи и заметки по делу о пропаже трех человек. Сам же хозяин квартиры всегда, – и, могло даже показаться, в одной и той же позе, – сидел в глубоком кресле у окна, с сигаретой в одной руке и бокалом или рюмкой (в зависимости от того, что он в тот день пил) в другой. Рядом с ним на стеклянном журнальном столике находились пара пачек сигарет, початая бутылка спиртного и его смартфон.

Последнее время, кроме посещений Константина и редких телефонных разговоров с Еленой, чат, электронная почта и SMS-сообщения были единственным средством коммуникации Макса с обществом. Равнодушные тексты и обман-

чивые смайлы, с помощью которых так просто скрыть свои истинные чувства, казались ему гораздо более приемлемыми, нежели какая бы то ни было эмоциональность прямого общения. Именно поэтому Константин не мучил друга разговорами: он знал, насколько глубок и как ширится вглубь внутренний мир истинно творческой личности, и полагал, что Максу будет полезнее утопить свою душевную травму в самом отдаленном уголке глубин своего мира, чем, подобно обычным людям, излить ее миру внешнему.

«Пройдет время», – каждый раз думал Константин, погружаясь в чтение предоставленных Максом материалов, – «и из нее он будет черпать все большее вдохновение».

II

Макс озаглавил свою будущую статью одним лишь словом – «Трактат», и названием таким она была обязана решению журналиста вести расследование не в направлении личной жизни пропавших, как это сделали в полиции, а, раз уж это ни к чему не привело, в направлении их профессиональной деятельности. И начал Макс с профессора философии.

Судя по его записям в ноутбуке, Рыжий Макс отправился в университет уже на следующий день после того, как получил ультиматум главного редактора – статья или увольнение.

В университете к журналисту отнеслись достаточно ровно, чему, вероятно, поспособствовала направленность задаваемых им вопросов: Макс интересовался лишь научной деятельностью профессора и его лекциями. Такой подход журналиста ни в ком не вызывал напряжения или тревоги, а его результатом стали скоро полученные от одного из преподавателей сведения о том, что некоторые студенты записывают лекции на диктофон. Достать записи лекций пропавшего профессора философий поэтому, не составило для Макса особого труда, правда, студент, сделавший эти записи, из страха их лишиться, отказался отдать их журналисту даже для снятия копий, но позволил ознакомиться с ними на месте. Так что первые несколько дней своего расследования, Макс провел в университете, прослушивая и тщательно за-

писывая филосовские лекции. И благодаря этой тщательности, труды философа с экрана ноутбука Рыжего Макса читал теперь и Константин.

***

Добрый день, дорогие студенты! Я рад приветствовать вас на курсе философии и хочу сразу отметить следующий момент: так как для вашей специальности философия не является предметом профильным, то мы не будем усложнять материал подробным изложением трудов знаменитых философов, однако, не будем мы и, как это обычно делается, знакомиться лишь с азами этой древней науки. Нет! Мы отойдем от стандартов преподавания и построим наше занятие таким образом: мы разрушим наше нынешние представление о философии в частности, науке в целом и о жизни вообще и построим новое с нуля; мы, прямо здесь, – в аудитории, – заново создадим науку, придем к какому-то пониманию жизни и… посмотрим, что получиться.

Для начала, я расскажу вам, довольно популярный в ученой среде, анекдот. Группа ученых получила задание разработать теорию, позволяющую предсказывать результаты скачек. Ученые какое-то время бились над этой задачей и, наконец, представили расчеты, с помощью которых можно вычислить результат забега с впечатляющей точностью, но… действительных только для абсолютно упругого сферическо-

го коня в вакууме. Кхм, вобщем-то здесь уже можно смеяться. Ну да ладно. Смысл вот в чем: многие науки для упрощения в понимании своих теорий прибегают к абстрактному понятию чего-либо идеального, что, порой, может вызвать комичный эффект, как в данном анекдоте. Мы же с вами для наших целей возьмем простой пример из всем известной математики. Все мы знаем, что любой ряд чисел можно продолжать бесконечно долго, знать бы только названия тех космических чисел, количество знаков в которых переваливает за десятки. Для этого в математике есть понятие бесконечности, означающее нечто, не имеющее количественной меры и вообще границ. Следовательно, если математика не имеет крайних величин, то все ее числа, выделенные из общей бесконечности, являются лишь частной абстракцией – некими идеальными отвлеченными единицами, границы которых, в отличие от непознаваемой бесконечности, вписываются в наше восприятие. Соответственно, и все величины, выраженные в числовых значениях, имеют в себе некую тень абстрактной идеальности и, вне ее, теперь не кажутся такими уж точными. Впрочем, я не утверждаю будто это плохо, напротив, абстракция позволяет нам выделить в непознаваемом ту часть, что укладывается в рамки нашего понимания и… этого для наших с вами целей будет достаточно.

А теперь я приведу вам еще один пример. На этот раз мы коснемся науки, к коей прибегают все остальные дисци-

плины и, в той или иной степени, руководствуется каждый из нас. Эта наука – логика. Однако, мы снова остановимся не на преимуществах рассматриваемой науки, а на ее… не то чтобы недостатках, но… Мы рассмотрим одну из апорий древнегреческого философа Зенона Элейского. Апория – это логически верное суждение, которое, тем не менее, реальность ставит под сомнение, как невозможное. Вот эта апория в упрощенном виде: летящая стрела, в каждый отдельно взятый момент времени, неподвижна, а следовательно, стрела не движется вовсе. Для опровержения или подтверждения такого умозаключения, и философы разных времен и представители других наук (в частности физики), предложили множество различных соображении, наиболее популярным из которых, оказалось положение, что нельзя рассматривать время, как состоящее из отдельных моментов. Это опять таки приводит нас к началу нашей лекции и примеру с математикой и абстракциями. Справедливости ради подчеркну еще раз, что, действительно, все вокруг нас, есть так называемые гештальты – это уже психологический термин, означающий нечто целое, не сводящееся к сумме своих частей и обладающее особым новым качеством, по сравнению с частями его составляющими. Абстрагирование же призвано лишь облегчить задачу познания столь сложных явлений.

Но вернемся к апории Зенона. Подобный эффект, как мы знаем используется в мультипликации: ряд картинок, с ми-

нимальными отличиями друг от друга, сменяются с большой скоростью, создавая иллюзию плавного и, что важно, реалистичного движения. Таким образом, течение нашей жизни, если принять выводы апории Зенона за абстрактную данность (ведь наука, как мы поняли, это иногда допускает), а возражения оставить в стороне, состоит из неисчислимого количества таких вот микромоментов, запечатлеть которые в отдельности можно разве что на фотографии. Тогда перед нами возникает вопрос: предопределен ли каждый последующий кадр мультфильма нашей жизни или он создается в зависимости от наших действий? Другими словами, извечный филосовский вопрос: есть ли свобода воли или же ее нет? Если свободы воли нет, то дальше нам уже ничего не важно – все, так или иначе, предрешено и ничего тут не поделаешь. Но мы с вами люди гордые с амбициями, и такое положение дел нас вряд ли устраивает, поэтому мы решаем – свобода воли есть, и тем самым доказываем нашу правоту: ведь мы совершили акт свободной воли. Но раз мы сами решаем каким будет следующий кадр жизни, то почему все не так, как мы бы того хотели? Дело в том, что даже при условии нашей полной пассивности, мультфильм жизни вокруг нас будет продолжаться: будут летать на нашем фоне птицы, проезжать трамваи, ходить люди и ускользать время; кадры жизни будут сменять друг друга и только мы на них окажемся неподвижны. Учтем, что пассивность тоже акт свободы воли, но сделаем вывод: течение жизни опреде-

ляется не только нами, но и условиями, окружением, другими людьми; то есть мы можем и должны не только оказывать воздействие, но и содействовать или противодействовать воздействию всего окружающего.

И все же, свободой воли грех не воспользоваться, поэтому дозволим себе еще одно предположение, пусть и из области фантастики, а именно: допустим множественность измерений реальности, в каждом из которых мы в разных ситуациях прошлого выбирали иные пути, иные решения, иные слова и иные действия. Тогда в каком нибудь из этих измерений мы могли бы быть не здесь – на лекции, – а где-нибудь в другом месте, скажем в Париже. Или даже здесь, но, например, за другой партой. Сложив же все эти альтернативные реальности получилось бы, что мы находимся в одно и то же время абсолютно везде. Это перспектива свободы воли – можно быть кем угодно и где угодно. Проблема в том, что для нас реальность одна, и пусть за нами остается невообразимая масса упущенных возможностей, а перед нами простираются в том же количестве новые, в одно время мы можем быть только в одном месте. Отсюда антипатия, вражда и конкуренция, если несколько человек метят на одно и то же «место», скажем на вершину пьедестала, президентское кресло или рядом с одним и тем же человеком. Отсюда же симпатия, дружба и любовь, если люди видят свое «место» рядом с другими и не стремятся занять их «место».

Рассуждать можно до бесконечности, но с нас пока до-

статочно и этого, потому как целью нашей было пошатнуть былые представления и породить сомнения. Для чего? Все просто. Один известный французский философ, – Рене Декарт, – в одной из своих работ предлагал усомниться абсолютно во всем: в достижениях наук, в прошлом опыте, даже в достоверности всей той информации, которую мы получаем посредством органов чувств. Декарт предлагал дойти до такой точки сомнения, когда ничего достоверного, кроме факта самого сомнения, уже не останется.

Итак, вместе с Декартом, мы уничтожили «все». Теперь, как и планировали, начнем возводить «все» с нуля. Как? Наряду с великим уничтожителем – «сомнением», должен быть великий созидатель, поэтому я предлагаю вам представить себе ту пустоту, которой мы достигли, и убедиться в том, что в пустоте этой мы найдем отнюдь не факт сомнения, а мысль, ведь только отсутствие мысли нельзя себе представить, ибо само представление пустоты уже будет мыслью, что, кстати, приводит нас к известному изречению все того же Декарта: «cogito ergo sum», более знакомому нам в переводе «мыслю, следовательно существую». Вот эта то «мысль» и будет нашим творцом и созидателем. «Мысль» мы возьмем за абстрактную единицу, следующим порождением которой будет, неважно какая, главное, что в любом случае, мысль – ее образ и подобие. Тогда, вне абстрактного значения, «мысль» не имеет ни конца, ни начала, но в известном смысле последовательна. Уже отсюда мы можем вывести первый закон

нашей новой науки: схожесть или аналогия сущности предшествующего и последующего, творца и творения, макро- и микрокосмов; другими словами – бесконечность.

В рамках этого закона, все сущее может рассматриваться только как очередная форма «мысли» и являться созданием и, в тоже время, создателем, а, следовательно, должно испытывать и оказывать воздействие, о чем мы уже говорили. Мерой этого воздействия служит то, о чем мы также успели поговорить – сомнение. Бесконечность, по определению, нельзя охватить целиком, поэтому нужно отвлечься от необъятного целого и взять лишь ту его часть, которая станет, доступным нашему пониманию, абстрактным (и об этом мы упоминали) миром, при этом не отрицая, но усомнившись в оставшемся, хотя бы только до тех пор, когда сможем расширить границы познаваемого.

Чем же в свою очередь определяется сомнение? Ответим: сомнение определяется восприятием реальности и создает ее. Другими словами, восприятие наделяет окружающее свойствами, внушающими сомнения. Повторим еще раз. Можем ли мы воспринять бесконечность во всей ее полноте? Нет. Так усомнимся в ней, и пусть будут начало и конец, пусть явятся границы! Внутри этих границ мы имеем воспринимаемую нами, в том виде, какая она есть, абстрактную реальность, а вне их: нет ни начала, ни конца; ни времени, ни пространства; ни материи, ни духа; вне их все то, в чем мы сомневаемся, все то, чего не в силах понять, но объ-

единяем в нечто единое – это «мысль», «идея» или, раз уж лучшего слова мы действительно не имеем, «бог». Но «бог» с маленькой буквы, поскольку это не имя чему-то конкретному, а обобщение всего того, что за гранью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.